— Конечно, сладкий, разве может быть солёным? — Сяо Цянь рассмеялся, не удержавшись, и, наклонившись, слегка потёрся щекой о лицо маленького императора, такое мягкое и нежное.

Великий генерал Сяо был переполнен сладкой досадой, снова сжал пальцы маленького императора.

Фан Минцзюэ, поддаваясь его усилиям, разжал ладонь.

Пальцы были длинными, с едва заметными выступами костяшек, форма их была изящной. Он словно в одночасье превратился в ребёнка, протянул руку и прижал её к ладони Сяо Цяня, сравнивая:

— Почти.

— Я давно говорил, что ты меньше меня, — Сяо Цянь намекнул, и его слова были полны скрытого смысла.

Он зацепил пальцы за пальцы Фан Минцзюэ, нежно поглаживая их.

— Сяо Ци, — Фан Минцзюэ наклонил голову, уголки губ слегка приподнялись, словно он с трудом сдерживал смех, — я всегда удивлялся, как ты можешь быть таким бесстыдным?

— Мне нужен ты, зачем мне лицо? — Сяо Цянь выпалил.

Как только слова сорвались с его губ, оба застыли.

Ночной ветер был тих, словно пронзал грудь, внезапно остужая всё внутри.

Пальцы Фан Минцзюэ дрогнули, он неловко попытался оттянуть руку.

Сяо Цянь перехватил её на полпути, крепко сжал тонкое запястье и прижал к груди, голос его был низким и твёрдым:

— Не думай лишнего. Сегодня я не называл тебя императором, и ты не зови меня Сяо Ци. В обычных семьях так и встречают новый год.

Фан Минцзюэ молчал некоторое время, затем вдруг спросил:

— Есть вино?

— Вино? — Сяо Цянь удивился, снял верхнюю одежду и накинул её на него. — Пойду поищу. Оно слишком холодное, нужно подогреть.

Сяо Цянь зашёл в кухню и вскоре вынес маленький столик и кувшин вина.

Он также нашёл набор для вина, но, будучи далёким от изысканности, Великий генерал Сяо не смог правильно его использовать. Фан Минцзюэ, не выдержав, сам зажёг маленькую печь, поставил вино греться и, соблюдая все тонкости, зажёг благовония, из которых поднимался лёгкий дымок.

*

Зелёные муравьи в новом вине, красная глина маленькой печи.

Вечером небо обещает снег, не выпьем ли мы по чаше?

*

Сяо Цянь, отхлебнув вина и закусив печёным бататом, смотрел на всё это и, перебирая в голове, наконец нашёл строку стихов, которая, как ему казалось, идеально подходила к этому моменту.

— Сяо Ци, — Фан Минцзюэ, похоже, плохо переносил алкоголь, после нескольких глотков его лицо уже покраснело.

Он медленно прижался к Сяо Цяню, затем порылся в своей одежде и вытащил маленькую книжечку размером с ладонь, открыл её:

— Ты… давай попробуем.

Сяо Цянь, удивлённо взглянув вниз, тут же увидел страницу, заполненную эротическими изображениями.

Его буквально обдало жаром, кровь прилила к голове, и рука, лежащая на пояснице маленького императора, задрожала:

— Ты… ты знаешь, что это такое?

Маленький император не ответил, медленно обнял его за шею, полузакрыв глаза, придвинулся ближе.

Прохладная мягкость едва коснулась его губ, сердце Сяо Цяня взорвалось, он схватил Фан Минцзюэ за затылок и тут же впился в его губы.

— Мм… — маленький император, почувствовав боль, очнулся от опьянения и отстранился.

Но разве Сяо Цянь, старый развратник, позволил бы улететь утке, которая уже попала в рот?

Язык успокаивающе скользнул по тонким губам, мягко проник внутрь. Руки, которые пытались оттолкнуть его, замерли, а затем обвились ещё крепче. Поясница, которую он обнимал, тоже расслабилась, безвольно прижалась к нему, словно обнимая тающую воду, от которой можно утонуть.

— Нет…

Когда Фан Минцзюэ слегка отпустили, его губы были красными, как кровь, слегка дрожали, и он не мог выговорить ни слова.

Сяо Цянь сдержанно поцеловал уголок его губ, медленно слизывая влагу:

— Ваше Величество, хотите ещё попробовать?

Фан Минцзюэ, услышав этот хриплый голос, почувствовал невероятный стыд, его длинные ресницы дрожали, как испуганные бабочки. Но, испугавшись, он ещё сильнее ухватился за эту опору.

— Императрица…

Сяо Цянь медленно успокаивал дыхание:

— Я здесь.

Фан Минцзюэ, полузакрыв глаза, опустил голову на плечо Сяо Цяня.

— Горло болит? — Сяо Цянь налил вина. — Выпей немного.

Фан Минцзюэ открыл рот, несколько капель вина попали внутрь, но Сяо Цянь убрал чашу, встречая недовольный взгляд маленького императора, спокойно сказал:

— Не пей много, а то начнёшь меня домогаться.

Фан Минцзюэ хотел плюнуть в этого бесстыдника.

— Ваше Величество, мне холодно, — вдруг сказал Сяо Цянь.

Фан Минцзюэ, с головой, похожей на кашу, ответил:

— Тогда вернёмся в Зал Сун…

Его снова укусили. Не больно, но очень щекотно. Затем нежные ласки снова накрыли его, словно огромная мягкая сеть, крепко опутав.

— Ваше Величество… ты такой горячий, согрей меня, — Сяо Цянь раздвинул его губы, шептал, выдыхая горячий воздух.

Фан Минцзюэ, полуоткрыв глаза, смотрел с лёгким туманом, затем резко укусил Сяо Цяня за подбородок, оставив чёткий след зубов.

Сяо Цянь рассмеялся, перестал шутить и начал чистить батат для маленького императора.

Так, обнявшись, они лениво ели батат, пили вино, чувствуя себя невероятно уютно.

Они сидели во дворе императорской кухни до тех пор, пока луна не поднялась высоко в небо, и только тогда, когда стало совсем холодно, им пришлось встать.

Кажется, печёный батат пришёлся по вкусу Фан Минцзюэ, который съел лишь полмиски лапши, он съел полтора батата, и его животик стал круглым.

Сяо Цянь собрал вещи и медленно повёл его в Зал Сунъян.

— Дорогая, на каком ты месяце? — Сяо Цянь, слегка поддерживая поясницу Фан Минцзюэ, пошутил.

Фан Минцзюэ, объевшись, был ленив, еле шёл, не обращая на него внимания.

В этот момент его сердце было необычайно спокойно.

Словно озеро, которое обычно бурлило тёмными волнами, вдруг стало тихим и спокойным, умиротворённым до иллюзорности.

Высокие стены дворца давили, как крепостные валы, в щель между ними падал узкий луч света.

Путь, который раньше был одиноким и мучительным, вдруг стал мирным и мягким, вызывая чувство привязанности, и было трудно дойти до конца.

С неба начал падать снег.

— Идёт снег.

Фан Минцзюэ поймал снежинку, но не успел насладиться поэтическим моментом, как вдруг его ноги оторвались от земли, и Сяо Цянь поднял его на руки.

— Ты!

Сяо Цянь побежал, держа его на руках:

— Что ты? Если снег пойдёт сильнее, ты простудишься.

Великий генерал Сяо, словно сорвавшийся с цепи пёс, помчался обратно в Зал Сунъян.

В Зале Сунъян было тепло, свет заполнял комнату.

Они искупались и сели на низкую кровать, укрывшись одеялом. Фан Минцзюэ протянул руку за докладом, но Сяо Цянь резко ударил его по руке, Великий генерал Сяо был крайне дерзок:

— Если ещё раз потянешься, получишь по заднице.

— Предательство императора, — Фан Минцзюэ фыркнул.

— А я разве мало тебя предавал? — Сяо Цянь был бесстрашен и даже протянул руку под одеяло, чтобы пощупать.

Фан Минцзюэ, почувствовав щекотку, не стал отступать и решительно контратаковал, наступив ногой на промежность Великого генерала Сяо.

— Ой! Убийство мужа! — Сяо Цянь подпрыгнул, повалил его на кровать и, держа за запястья, начал щекотать:

— Ну что, будешь вести себя прилично, а?

— Ха-ха-ха… — Фан Минцзюэ, сопротивляясь, не мог сдержать смеха, волосы его растрепались, щёки покраснели. — Отпусти! Сяо Ци… я… я накажу тебя!

Сяо Цянь, глядя на то, как он извивается под ним, с расстёгнутым воротником, представлял собой живописное зрелище.

— Хорошо, не двигайся, — схватив Фан Минцзюэ за поясницу, Сяо Цянь хрипло сказал:

— Если будешь двигаться, тебе придётся двигаться всю ночь.

Фан Минцзюэ тут же замер, не смея пошевелиться. Даже лёгкое дыхание задержалось, его лицо покраснело, и он смотрел на Сяо Цяня широко раскрытыми глазами.

— Маленький зайчик, — Великий генерал Сяо скрипнул зубами, закутал его в одеяло и только тогда снова обнял.

Ночь была глубока, и огни за окном постепенно погасли.

Фан Минцзюэ высунул половину головы, опустил веки и тихо прошептал:

— Хочу спать.

— Спи, — Сяо Цянь тихо ответил. — Завтра будет дворцовый банкет, тебе не отдохнуть.

— Нужно встречать Новый год, — Фан Минцзюэ слегка поднял глаза.

Сяо Цянь встал, потушил свечи, комната погрузилась в темноту:

— Встретим в следующем году, год не один.

Фан Минцзюэ закрыл глаза, слушая, как Сяо Цянь забирается на кровать и устраивается под одеялом, но в душе он холодно подумал: «Год не один, но, боюсь, ты обещаешь мне только этот год».

На следующий день, в первый день нового года, во дворце началась суета.

Дворцовый банкет отличался от других, он был крайне торжественным, и Сяо Цянь рано встал, чтобы вместе с Линь Лин подготовить всё.

Фан Минцзюэ проснулся, опьянение давно прошло. Но, вспомнив вчерашние безумства, он решил спрятаться, впервые залёг в постели, и только когда Сяо Цянь вышел из Зала Сунъян, он встал, умылся и отправился в императорский кабинет.

Сяо Цянь никогда раньше не занимался такими сложными делами, он думал, что подготовка к дню рождения императрицы десятого числа десятого месяца была уже достаточно утомительной, но оказалось, что новогодний банкет ещё хуже.

Множество правил и условностей заставляли Великого генерала Сяо хотеть поднять крышку гроба и вытащить основателя Наньюэ, чтобы избить его.

http://bllate.org/book/16207/1454816